М.Э. Данилова

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФОНЕСТЕМЫ: ДИАХРОНИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первое предположение о знаковом характере начальных сочетаний согласных в английской лексике принадлежит Джону Уолису, великому английскому математику, теологу, логику, философу и грамматисту (1653 г.). Основываясь на статистическом анализе английской лексики с начальными консонантными сочетаниями, Дж.Уолис усматривает у сочетаний STR, ST, THR, BR, GR, CR, CL, SL, SP, SK, SKR определенные значения. Однако они выглядят слишком обобщенными и далеко не всегда соотносятся со многими словами, обладающими теми же начальными согласными.

Более разнообразный спектр значений консонантных звукосочетаний предлагает Шарль де Бросс [1], связывающий их знаковый характер с типами артикуляции при произнесении того или иного звука. Он не исключает возможности синонимических отношений между определенными комплексами (в особенности с элементами *r* и *l*). Для иллюстрации своих выводов он привлекает помимо своего родного французского языка также латинский и английский. Так же, как Дж. Уоллис стал первооткрывателем «значения» у начального звукокомплекса, Ш. де Бросс, по-видимому, первым заметил аналогичное знаковое свойство и у конечных звукосочетаний, например, *fl*- в начальной позиции (***fl****amme*) и в конечной (*conflu*).

Термин «фонестема» (phonaestheme) принадлежит Джону Руперту Фёрту, предложившему его в своей книге «Речь» в 1930 году [2]. Понятие «фонестемы» появляется в главе под названием «Фонетические привычки» (“Phonetic Habits”), однако без четкого определения: «… Чтобы описать слово *the slackers* как английскую привычку, мы должны соотнести его с этимемой *slack* и с тремя присоединенными к ней морфемами: *the*, *-er* и *s*. Но вся этимема *slack* принадлежит гораздо большей группе привычек, которую мы бы назвали фонестемой *sl*» [2, 184]. В качестве иллюстрации он приводит группу слов с начальным звукосочетанием *sl*-: *slack*, *slouch*, *slush*, *sludge*, *slime*, *slosh*, *slash*, *sloppy*, *slug*, *sluggard*, *slattern*, *slut*, *slang*, *sly* и т.д. Фёрт считает, что *sl*-лексика имеет в большей или меньшей мере пейоративную окраску, хотя в самих звуках ничего пейоративного быть не может. Скорее всего, они имеют накопленную суггестивную значимость, приобретенную

в результате повторения в ситуациях со сходным аффективным аспектом. «Фонестема» не получает ни семантической, ни этимологической трактовки, а семантическое ассоциирование объясняется только с позиций теории «стимул-реакция».

Термином «фонестема» пользуется позже и Фред Хаусхоулдер, определяя его как «фонему или комплекс фонем, общий для группы слов и имеющий общий элемент значения или функцию» [3, 83-84]. При этом автор оговаривает, что слова могут быть этимологически не связаны.

Пересматривая традиционное понимание морфемы, Дуайт Болинджер отводит начальным и конечным консонантным группам роль «аффективных морфем», или «фонестем» [4]. Однако, по его мнению, граница между общепринятым понятием «морфемы» и «субморфемным дифференциалом» (т.е. значимой частью морфемы) является расплывчатой.

Ханс Марчанд [5] определяет начальные фонемы или комплексы фонем как «символы», способные порождать новые наименования. При этом он уделяет внимание как начальным, так и конечным звукосочетаниям.

Мысль о семантическом статусе частей корневой морфемы возникала и у таких видных теоретиков американской лингвистики, как Леонард Блумфилд, который назвал начальные консонантные сочетания «корнеобразующими морфемами» [6, 267], и Бенджамин Ли Уорф, называвший их «корневым ядром» [7, 133].

Интересную трактовку начального консонантного звукосочетания предлагает Роджер Уэскотт [8]. Ученый считает, что лабио-велярные фонемы являются «иконическими сигналами», тогда как консонантные сегменты выступают в качестве «символических сигналов» и имеют статус морфем. В доказательство приводятся этимологии конечных сегментов *-rd* в слове *lord* и *-ld* в слове *world*. Первый является вариантом самостоятельной полной формы *ward*, а второй - вариантом лексических форм *old* и *eld*.

В отечественном языкознании изучением начальных консонантных звукосочетаний впервые занялся В.В. Левицкий. Он провел статистический анализ их семантико-фонетических связей в английском [9] и в немецком языках. Результаты проведенного исследования позволили автору утверждать, что «почти все двух- или трехфонемные сочетания в начале корня в английском языке связаны с определенным значением или определенным кругом значений» [9: 14]. Например, сочетанию *br-* в английском языке приписываются такие ЛСГ, как «ломать, хрупкий», «ссора, грубый», «веселый, живой, храбрый».

Исследованию этого же звукосочетания, только во французском языке, посвящена статья А.Б. Михалёва [10]. Автор установил, что из 160 *br*-лексем 154 образуют семантическое пространство, составленное взаимосвязанными семантическими полями. В качестве центра условно выделяется значение «Рука», как по объему лексики, так и по количеству связей – прямых и опосредованных – с различными полями данного семантического пространства: «Рука» – «Действие рукой» / «Деятельность»; «Борьба», «Разрушение», «Связывание». «Рука» – «Инструмент» – «Острый»/«Резкий». «Разрушение» – «Огонь», «Малость» – «Уничижительность». «Огонь» –«Сгораемые материалы», «Свечение», «Пар».

Можно спорить о характере связей между полями и о названии некоторых полей, однако, несомненным остается сам принцип системной организации плана содержания у начального консонантного звукосочетания. Это подтверждается в монографии А.Б. Михалёва «Теория фоносемантического поля» [11], где автор показывает два возможных подхода изучения семантики консонантных звукокомплексов: синхронический, приведенный выше, и диахронический. С точки зрения диахронического подхода «следует отталкиваться от факта генетической конгруэнтности формы и значения» [11, 85], т.е. исходить из принципа первичности звукоизобразительности. Поэтому, прежде всего, нужно обратить внимание на слова, обозначающие или коннотирующие звуковые проявления и/или отражающие синестемические (термин С.В. Воронина: синестезические + эмоциональные) соответствия. Именно такие слова и рассматриваются автором в качестве ядра семантического пространства начальных звукосочетаний.

Из всего, рассмотренного в работе, звукосочетания изучению всех начальных консонантных звукосочетаний в английском языке, является кандидатская диссертация Н.Л. Львовой [12], которая провела психолингвистическое и фоносемантическое исследование английских консонантных звукокомплексов и этимологический анализ лексики с начальными сочетаниями согласных. В качестве психолингвистического эксперимента был избран метод семантического дифференциала Ч. Осгуда. В эксперименте применялись 6 шкал с пятью значениями, по которым оценивались все звукокомплексы: сила, оценка, активность, ровность, жесткость, размер. В результате исследования автор делает вывод о том, что сочетания, в составе которых есть одинаковые фонетические единицы (напр., *bl-, kl-, fl-, gl-, pl-, sl-* и *br-, kr-, fr-, gr-, spr-, str-, tr-*), характеризуются одинаковыми семантическими качествами. Так, все перечисленные сочетания с элементом *l* оцениваются как «слабые», «приятные» и

«маленькие» (кроме *gl*-), в то время как сочетания с элементом *r* воспринимаются как «сильные» и в большинстве случаев «неприятные», «быстрые», «жестокие» и «большие».

Рассматривая диахроническую сторону процесса наращивания состава лексики вокруг тождественного начального или конечного звукосочетания, исследователи исходят либо из принципа «прототипичного слова-образца», дающего стимул для образования аналогичных по форме и семантике слов, либо из принципа «первичной звукоизобразительности» самих компонентов звукосочетания.

Г. Дейвис [13] относит субморфемные образования (промежуточные единицы между морфемами и фонемами) ко «вторичным ассоциациям». Вторичные ассоциации происходят по одному из двух сценариев. Первый развивается в диахроническом процессе семантической или фонологической редукции. В данном процессе морфема уменьшается в распространенности или частотности встречаемости, что иногда ведет к полной утрате ее продуктивности. По этому сценарию некогда существовавшая морфема деморфологизируется и превращается в кластер из незначимых фонем, срастаясь с лексической единицей, с которой эта морфема ранее сочеталась. Однако эффект вторичной ассоциации может возникать и после свертывания морфемы, как, например, в случае с фонемным кластером *glV*-, несущим значение «неподвижный свет» в словах *glint, glimmer, glow, gleam* и др. Этот кластер происходит от индоевропейского корня *gel- «блестящий», а английские рефлексы, восходящие к этому корню, являются, таким образом, остатками ранее продуктивной морфемы.

Э. Аюстрам [14] говорит о «правилах конспирации» (conspiracy rules), которые управляют как семантическими, так и фонетическими изменениями в языке. Он приводит примеры такой «конспирации» из исследования О. Есперсена [15], где последний доказывает на историческом материале символическую силу звука [i], ассоциируемого с «малостью». Примером фонетических изменений под давлением «конспирации» может служить слово *little* «маленький» (< др.- англ. *lytel*), где гласный высокого подъема и заднего ряда поменял свой ряд на передний, по всей вероятности, из-за все той же устойчивой ассоциации звука [i] с «малостью».

П. Садовски [16], исследуя звукоизобразительные свойства английской фонестемы *gl*- в диахронической перспективе, основывает семантическую классификацию на презумпции не-произвольной связи между формой лингвистического знака и его значением, что коренится в самом генезисе языка. Он расщепляет фонестему *gl*- на два составляющих звука и приводит семантические интерпретации каждого из

них. Ученый считает, что комбинация резкого начального звука и «легкого», «мягкого» движения в кластере *gl*- идеально подошла для звукосимволического обозначения нематериального свечения, исходящего из своего источника. П. Садовски не только выделяет отдельные семантические поля, но и видит связь между ними в виде системы, ядром которой является значение «Свет», наиболее продуктивное по количеству лексем.

Говоря о семантической значимости фонестем, следует различать субъективный и объективный звуковой символизм. Последний изучается на основе анализа словарных значений единиц с общими формальными показателями и поиска определенных семантических инвариантов – гиперсем. Именно такой подход применяется в нашей работе. Субъективный звукосимволизм выясняется вследствие психолингвистических экспериментов, стремящихся выявить общие тенденции восприятия звуков и звукосочетаний. Основные методики постановки экспериментов в основном сводятся к двум: методу «семантического дифференциала» [см. выше: 12] и методу «подбора». В первом случае испытуемым предъявляются искусственные слова: если большинство испытуемых одинаково оценивает эти слова-стимулы, то принято считать, что звуковой символизм существует. Во втором случае испытуемым предъявляются слова, взятые из естественных языков. Принято считать, что если испытуемые угадают значения не известных им звучаний, опираясь на значения и звучания слов родного языка, то это свидетельствует о существовании звукосимволизма. Такие исследования проводились в основном для выяснения символических возможностей отдельных звуков.

Интересный психолингвистический эксперимент поставил А.Б. Михалёв с целью проверить данные в области объективного звукосимволизма *br*- и *bl*-, предварительно полученные в результате словарного исследования [см. выше: 11]. Использовав методику искусственных слов, он предлагал франкоязычным испытуемым выбор из *br*- или *bl*-слов для называния предметов, изображенных на различных экзотических репродукциях. Проведя признаковый анализ полученных двух противопоставленных списков, А.Б. Михалёв приходит к заключению, что предпочтение, отдаваемое той или иной форме (BR- или BL-), в целом оказалось сопоставлением этих экспериментов, описанных выше, в малом с [17] применяется в этом же случае, о чем результатах познавании и образовании испытуемыми неологизмов. Первый метод тестирует знание фонестем путем предъявления испытуемым дефиниций для несуществующих слов и задания изобрести новые слова для этих дефиниций. В исследовании М. Магнус для изобретения но-

вых слов испытуемые были склонны использовать фонестемы своего языка. Второй тип эксперимента проверял использование фонестем при восприятии новых слов. Испытуемым было предложено искусственное слово, которому они должны были дать дефиницию. В этот раз снова ответы были такими, как будто они употребляли фонестемы. Магнус интерпретирует свои результаты как свидетельство того, что пользователи языка воспринимают отдельные фонемы или сочетания фонем как наделенные значением.

К такому же выводу, но на основе дистрибутивного подхода, приходит и Б. Джозеф [18] в отношении греческой фонемы /ts/. А. Абелин [19] добавляет к этому предположение, что чем более распространена фонестема среди слов с общей фонологической формой, тем более вероятность того, что испытуемые оценивают неологизмы, придерживаясь значения этой фонестемы. Результаты Ш.С. Хатчинс [20] подтверждают роль фонестем (даже в межъязыковом сравнении) в создании неологизмов.

Б. Берген [21] пытается выяснить, каков психологический статус фонестем в восприятии пользователей языка, и находит, что лучшим методом для разъяснения этих вопросов является «прайминг»-метод (priming). Морфологический прайминг – это ускорение или замедление ментального доступа к слову-мишени на основе некоторого предварительного (prime) слова, предъявленного ранее. Большое количество исследований морфологического прайминга обнаружили структуры, характерные только для морфологически родственных предварительных слов и слов-мишеней, но отсутствующие в неродственных словах. Б.Берген предполагает, что если фонестемы имеют когнитивный статус, то они обнаружат прайминг-эффекты, отличающиеся от показаний, которые демонстрируют слова без фонестем. Сравнивая результаты своего эксперимента с полученными ранее результатами морфологического прайминга [22] и отмечая между ними явные сходные тенденции, Б. Берген заключает, что в ментальном механизме речепроизводства фонестемы обладают тем же статусом, что и канонические морфемы.

Библиографический список

1. **Brosses, Ch. de.** Traité de la formation mécanique des langues et des principes physique de l'étymologie [Texte] / Ch. de. Brosses. – Paris: Saillant, Vincent et Desaint, 1765. – 480 p.
2. **Firth, J.R.** Speech [Text] / J.R. Firth. – London, 1930. – 437 p.
3. **Householder, F.W.** On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme [Text] / F.W. Householder // Word. – 1946. – №2. – P. 83-84.

4. **Bolinger, D.L.** Rime, Assonance, and Morpheme Analysis [Text] / D.L. Bolinger // Word. – 1950. – V. 1-2. – P. 117-136.
5. **Marchand, H.** Phonetic symbolism in English word-formation [Text] / H. Marchand // Indogermanische Forschungen. – 1959. – LXIV Band. – P. 146-
6. **Блумфилд, Л.** Язык [Текст] / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 606 с.
7. **Whorf, B.L.** Language: Plan and conception of arrangement [Text] / B.L. Whorf // Language, thought and reality. – London, 1956. – P. 125-133.
8. **Wescott, R.W.** Labio-velarity and derogation in English: A Study in Phonosemic Correlation [Text] / R.W. Wescott // American Speech, spring 1971. – 1971. – P. 123-137.
9. **Левицкий, В.В.** Начальные сочетания фонем в английском языке [Текст] / В.В. Левицкий // Сочетаемость языковых единиц в германских и романских языках. – Киев, 1983. – С. 8-17.
10. **Михалёв, А.Б.** Проблема звукоизобразительности во французской лингвистике [Текст] / А.Б. Михалёв // Вестник ПГЛУ. – 1997. – № 1-2. – С. 25-
11. **Михалёв, А.Б.** Теория фоносемантического поля [Текст] / А.Б. Михалёв. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. – 21 с.
12. **Львова, Н.Л.** Звукосимволические свойства начальных звукосочетаний согласных в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Л. Львова. – Донецк, 2005. – 23 с.
13. **Davis, G.W.** What's in a word? On integrating recent approaches to secondary associations, submorphemic units and morphological segmentation [Text] / G.W. Davis // Word. – 1992. – V. 43, № 3. – P. 197-216.
14. **Anderson, E.R.** A Grammar of Iconism [Text] / E.R. Anderson. – Cranbury: Associated University Presses. 1998. – 415 p.
15. **Jespersen, O.** Language: Its Nature, Development and Origin [Text] / O. Jespersen. – London: Allen & Unwin, 1922. – 557 p.
16. **Sadowski, P.** The iconicity of English gl- words [Text] / P. Sadowski // The Motivated sign: iconicity in language and literature / ed. by O. Fischer, M. Nänny. – 2. ed. – Amsterdam, Philadelphia: J. Benjamins. 2001. – P. 69-88.
17. **Magnus, M.** What's in a word? Evidence for phonosemantics [Text] / M. Magnus. – Trondheim, Norway: University of Trondheim dissertation, 2000. – 390 p.
18. **Joseph, B.D.** Modern Greek *ts* beyond sound symbolism. Sound symbolism [Text] / B.D. Joseph; ed. by L. Hinton, J. Nichols, J.J. Ohala. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 222-236.
19. **Abelin, Å.** Studies in Sound Symbolism [Text]: Doctoral Dissertation / Å. Abelin. – Göteborg University, 1999. – 327 p.
20. **Hutchins, Sh.S.** The psychological reality, variability, and compositionality of English phonesthemes [Text] / Sh.S. Hutchins. – Atlanta: Emory University dissertation, 1988. – 436 p.
21. **Bergen, B.K.** The psychological reality of phonaesthemes [Text] / B.K. Bergen // Language. – 2004. – V. 80, № 2. – P. 290-311.
22. **Feldman, L.,** Soltano, E. Morphological priming: The role of prime duration, semantic transparency, and affix position [Text] / L. Feldman, E. Soltano // Brain and Language. – 1999. – 68. – P. 33-39.